

Услышав слова Су Фанъюня, Ван Е рефлекторно прикрыл ладонью лоб и выдавил из себя заискивающую улыбку:

— Э, младший наставник, вы уж говорите начистоту. Опять хотите сделать меня своим щитом?

Су Фанъюнь слегка приподнял бровь, не теряя при этом своего улыбчивого выражения лица:

— Ого, это что еще за тон? Разве я, твой младший наставник, похож на такого человека?

Ван Е, однако, совершенно серьезно кивнул:

— Младший наставник, не сочтите за грубость, но неужели, когда вы это произносите, у вас на душе не шевелится ни капли совести? С тех пор как я впервые ступил на эту гору, мало ли вы мне западней устроили?

— Хватит болтать ерундой. Идешь или нет?

Заметив, как улыбка на лице Су Фанъюня сменилась угрожающим выражением, Ван Е без малейших колебаний развернулся, намереваясь бежать, но...

Бах!

Спустя мгновение Ван Е, с огромной шишкой на голове и понурым видом, плелся вслед за Су Фанъюнем. Они двигались медленно, словно на прогулке, и к тому времени, как они добрались до кельи Чжоу Мэна, прошло уже немало времени.

— Учитель! Ученик пришел!

Стоило Су Фанъюню выкрикнуть эти слова, как дверь кельи Чжоу Мэна тут же распахнулась. Однако в тот же миг изнутри вылетела чайная чашка, со свистом рассекая воздух и метя напрямик в Су Фанъюня. Тот, похоже, привык к подобным приемам: даже не меняясь в лице, он лишь слегка поднял руку и уверенно поймал летящий снаряд.

— Учитель, сколько раз я говорил, что эту привычку швыряться вещами пора бы оставить, — проговорил он, легко и привычно возвращая чашку на место.

Однако Чжоу Мэн в этот момент даже не взглянул на своего ученика. Его взгляд, миновав плечо Су Фанъюня, был прикован к Ван Е, а точнее — к огромной шишке на его голове. В следующее мгновение глаза Чжоу Мэна, обычно почти скрытые за веками, широко распахнулись. Он подался вперед, легко, словно ласточка, взмыв в воздух.

Хлоп!

Раздался отчетливый звук — Чжоу Мэн отвесил Су Фанъюню увесистый подзатыльник. Несмотря на свой столетний возраст, рука у старца была что надо: Су Фанъюнь искривился от боли, гримасничая и выглядя крайне жалко.

— Учитель, больно же!

— Непутевый ученик! — взревел Чжоу Мэн, и его голос, подобный звону колокола, заставил воздух в помещении завибрировать. — Ты еще и жалуешься на боль? Отвечай, ты опять втихаря обижал маленького Ван Е?

Су Фанъюнь тут же обернулся и бросил на Ван Е взгляд, призывая того помалкивать, после чего повернулся обратно и с самым невинным видом начал оправдываться:

— Да что вы, как можно? Вы же знаете, я души в нем не чаю, разве мог бы я поднять на него руку?

Чжоу Мэн прищурился, глядя на приунывшего Ван Е, и холодно хмыкнул:

— Хм, не ты? Неужели это какой-то демон заявился на гору, чтобы поколотить Ван Е? Ну-ка, рассказывай, что это за злобный дух такой, раз сумел пробраться на Удан и учинить здесь расправу?

— Кхм, ну... на самом деле это Юньлун, мой племянник по ученичеству, счел, что Ван Е не слишком усердствует в тренировках, и решил его немного проучить.

Чжоу Мэн не поверил ни единому слову. Он кивнул в сторону Ван Е и тихо позвал:

— Маленький Ван Е, иди сюда. Расскажи-ка, откуда у тебя эта шишка?

Ван Е перевел взгляд с яростно сверкающего глазами Су Фанъюня на добродушного Чжоу Мэна, молча спрятался за спину учителя и, ничего не говоря, лишь тяжело вздохнул.

— Ван Е, ты...

— Непутевый ученик!

Бах, шлеп, бум! Ай!

После недолгого «дружеского общения» наставника с учеником Су Фанъюнь встал перед Чжоу Мэном с такой же шишкой на голове, как у Ван Е.

Посвежевший и довольный Чжоу Мэн неспешно произнес:

— Клан Лу прислал письмо. Пишут, что послезавтра привезут сюда своих потомков, чтобы они

могли пройти обучение на нашей горе Удан. Поручаю тебе отвечать за экзамены.

Среди четырех великих семей мира магов клан Лу — единственный, не имеющий собственных секретных техник. Если члены клана Лу хотят встать на путь магов, они обычно поступают в ученики к другим школам. Кроме того, клан Лу активно привлекает к себе мастеров, развиваясь по модели, схожей с Тянься. Поэтому визиты их молодежи на Удан для обучения случались и раньше, но до сих пор это никак не касалось Су Фанъюня.

— Я? Разве раньше этим не занимался Юньлун?

— М-м?

— Слушаюсь! Обязательно выполню поручение учителя!

— Ну вот, другое дело. Ступай.

На следующее утро солнце мягко разливалось по маленькому дворику Су Фанъюня, укрывая его тонким золотистым сиянием. Уж кто-кто, а Су Фанъюнь, пожертвовавший Удану миллионы, умел обустроить свое жилище. Сейчас, в самом разгаре весны, все здесь дышало жизнью: стройный густой бамбук, цветущие персиковые деревья, источающие тонкий аромат. Слева от дома замер зеркальный пруд, в котором неспешно плавали карпы, время от времени выпрыгивая из воды и описывая изящные дуги.

Су Фанъюнь вышел из комнаты, потягиваясь и зевая, и неспешно направился к пруду. Встав на месте, он принял начальную стойку тайцзи. Между его ладонями начали медленно подниматься два потока невидимой энергии, словно подчиняясь его воле. Вслед за этим чистая вода из пруда потянулась за его руками, подобно послушной змее. В небе над головой закружились облака, и в прежде тихом дворике поднялся легкий ветерок, подхвативший лепестки цветов и заставивший их кружиться вокруг Су Фанъюня.

Движение в покое, покой в движении, единство инь и ян, сочетание твердого и мягкого — все это сливалось в непрерывный поток, постигающий великое Дао неба и земли. Вскоре лепестки цветов и водяные струи соединились, оказавшись в центре объятий Су Фанъюня.

Тайцзи — это путь неба и земли, разделяющий инь и ян. Человек, живущий между ними, должен следовать этому пути.

В следующий миг Су Фанъюнь развел руки, и символ тайцзи стремительно расширился во все стороны!

Ху-у...

Невидимая энергия инь и ян мягко разлилась вокруг. Лепестки цветов, словно капли дождя, плавно опустились на землю. Вода из пруда превратилась в легкий туман, окутавший дворик призрачной дымкой. Инь и ян сошлись в идеальной гармонии.

Затем Су Фанъюнь, подобно текущей воде, завершил упражнение и медленно опустился на землю. Однако вихри вокруг него не исчезли, а словно растворились в самой природе, резонируя с миром. Если присмотреться, становилось ясно, что лепестки цветов легли не случайно: они образовали на земле четкий контур тайцзи, опоясывающий мастера.

На вершине невысокого утеса Чжоу Мэн, заложив руки за спину, наблюдал за происходящим во дворе. Рядом с ним стоял Юньлун — оба они только что стали свидетелями того, как Су Фанъюнь погрузился в состояние глубокой медитации.

<http://bllate.org/book/18510/1778957>